

И. Е. Суриков

ЛОГОГРАФОΙ В ТРУДЕ ФУКИДИДА (I. 21. 1) И ГЕРОДОТ
(Об одном малоизученном источнике раннегреческого историописания)*

Греческих историков самого первого поколения принято в антиковедческой литературе называть логографами¹. Этот термин в данном своем значении стал воистину хрестоматийным, его сплошь и рядом можно встретить как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях². Обычно логографов понимают как предшественников Геродота. Однако, если внимательно всмотреться в их перечень, кочующий из работы в работу, легко обнаружить, что в нем присутствуют не только те историки, которые действительно писали раньше, чем Геродот (Акусилай, Гекатей и др.), но также и его современники, в том числе даже младшие современники. Так, причисляют к логографам Гелланика Лесбосского³. А этот автор, хотя и родился, возможно, несколько ранее Геродота (Gell. XV. 23), но, во всяком случае, написал свои последние труды через два десятилетия после смерти «отца истории» и, судя по всему, пользовался сочинением последнего, полемизировал с ним⁴.

В то же время сам Геродот из перечня логографов решительно исключается; напротив, его принято противопоставлять им в целом ряде отношений. Возникает в некотором роде парадоксальная коллизия; распространенным оправданием ей служит то, что, как часто считают, обозначение первых историков как логографов не изобретено историографией Нового времени, а встречается уже в античности⁵.

* Статья представляет собой расширенный вариант доклада, прочитанного в сентябре 2007 г. на Международной конференции «Античность и современность», посвященной памяти Ж.-П. Вернана и П. Видаль-Нака. Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта 07-01-00050а «Геродот и Фукидид: зарождение исторической науки в древней Греции и специфика античного историзма».

¹ Насколько удастся установить, это обыкновение пошло с немецкого ученого Ф. Крейцера, который в первой половине XIX в. выступил основоположником изучения древнегреческой историографии. Он выдвинул следующую схему зарождения исторической мысли в Греции: гомеровский эпос – киклические поэмы – логографы – Геродот. О Крейцере и значении его труда см. *Momigliano A. Studies in Historiography*. N.Y., 1966. P. 75–90.

² Приведем в чисто иллюстративных целях несколько взятых почти наугад примеров: *Wipprecht F. Zur Entwicklung der rationalistischen Mythendeutung bei den Griechen*. Tübingen, 1902. S. 45 f.; *Фролов Э.Д. Факел Прометея: Очерки античной общественной мысли*. Л., 1981. С. 93 слл.; *Кузнецова Т.И., Миллер Т.А. Античная эпическая историография: Геродот, Тит Ливий*. М., 1984. С. 37.

³ О нем см. *Ruschenbusch E. Was Hellanikos the First Chronicler of Athens?* // *Klio*. 2003. 85. 1. S. 7–8.

⁴ *Schreiner J.H. Aristotle and Perikles: A Study in Historiography*. Oslo, 1968. P. 23–27.

⁵ Сразу хотим обратить внимание на курьезный случай, который способен ввести неискушенного читателя в заблуждение. В переводе Геродота, выполненном Г.А. Стратановским, фигурирует «логограф Гекатей» (V. 36, 125). В действительности, однако, в оригинале слова *λογωγράφος* мы не обнаруживаем, обнаруживаем же *λογωποιός* (ср. также II. 143), а это далеко не одно и то же. Для Геродота, например, Эзоп – тоже *λογωποιός* (II. 134).

Так ли это? В древнегреческих источниках лексема *λογογράφος* (дословно – «писатель речей») имеет, как правило, два значения: более широкое и более узко-специальное. С одной стороны, она употребляется по отношению к писателям-прозаикам, дабы отличать их от поэтов. С другой – как известно, в классическую эпоху существовала особая профессия логографа – ратора, составлявшего за плату судебные речи для тяжущихся сторон⁶. Но логографы как первые историки? Попытка найти античный текст с именно таким пониманием термина встречает уже значительные затруднения.

Обычно, впрочем, указывают на известное место из классического (во всех отношениях) автора – Фукидида (I. 21. 1), полагая, что уже он – современник и активный участник первых шагов греческого историописания – понимал под логографами именно тех же писателей, которых ныне понимаем мы. Действительно, у Фукидида – единственный раз во всем его труде – фигурирует это слово, причем в отчетливо критическом контексте. Данный пассаж чрезвычайно важен и принципиален для интересующей нас проблематики; собственно, на нем будет строиться все дальнейшее изложение. Поэтому имеет смысл процитировать его *in extenso*, а в примечании привести и греческий текст оригинала: «Как ни затруднительны исторические изыскания, но все же недалек от истины будет тот, кто признает ход событий древности приблизительно таким, как я его изобразил, и предпочтет не верить поэтам, которые преувеличивают и приукрашивают воспеваемые ими события, или историям, которые сочиняют логографы (более изящно, чем правдиво), историям, в большинстве ставшим баснословными и за давностью не поддающимся проверке»⁷ (Фукидид и Геродот здесь и далее цитируются в переводах Г.А. Стратановского).

Итак, Фукидид противопоставляет здесь свой собственный труд сочинениям каких-то «логографов». Но кто именно фигурирует у него под этим именем? Догеродотовские историки? Не похоже. Ни одного конкретного имени в цитированном отрывке вообще не названо. Да и в целом в «Истории» Фукидида, кажется, только однажды упомянут один из тех авторов, которых современная наука причисляет к логографам. Это Гелланик, причем речь о нем заходит совсем в другом месте (Thuc. I. 97. 2) и совсем в другой связи.

Для того, чтобы лучше понять и конкретизировать суть тирады против логографов, представляется интересным рассмотреть ее контекст и прежде всего обратить внимание на то, что говорит Фукидид непосредственно перед тем, как дать процитированную уничижительную характеристику. И вот что мы встречаем (Thuc. I. 20. 3): «Да и прочие эллины о многих других установлениях и обычаях, существующих еще и поныне, память о которых не изглажена временем, также имеют неправильные представления. Так, например, думают, что лаккедемонские цари при голосовании имеют не один, а два голоса каждый и что у лаккедемонян был питанатский отряд, которого вообще никогда не существовало.

⁶ Lavery M. Aspects de la logographie judiciaire à l'époque de Lysias // L'Antiquité classique. 1957. 26. 1. P. 125–135. Первым логографом традиция называет афинского оратора и политика Антифонта из Рамнунта, действовавшего во второй половине V в. до н.э. (см. о нем: Суриков И.Е. Antiphoneta I: Нарративная традиция о жизни и деятельности оратора Антифонта // Studia historica. 2006. Вып. 6. С. 40–68).

⁷ ἐκ δὲ τῶν εἰρημένων τεκμηρίων ὅμως τοιαῦτα ἂν τις νομίζων μάλιστα ἃ διήλθον οὐχ ἁμαρτάνοι, καὶ οὔτε ὥς ποιηταὶ ὑμνήκασι περὶ αὐτῶν ἐπὶ τὸ μείζον κοσμοῦντες μᾶλλον πιστεύων, οὔτε ὥς λογογράφοι ξυνέθεσαν ἐπὶ τὸ προσαγωγώτερον τῇ ἀκροάσει ἢ ἀληθέστερον, ὅντα ἀνεξέλεγκτα καὶ τὰ πολλὰ ὑπὸ χρόνου αὐτῶν ἀπίστως ἐπὶ τὸ μυθώδες ἐκνενικηκότα...

Ибо большинство людей не затрудняет себя разысканием истины и склонно усваивать готовые взгляды».

И вот тут-то становится совершенно ясно: Фукидид здесь критикует совершенно конкретного автора, и автор этот – не кто иной, как Геродот! Ведь именно у Геродота (VI. 57) сказано о двух голосах, принадлежащих каждому спартанскому царю в герусии; упоминается у него (IX. 53) и питанатский лох (отряд). Как известно, «отец истории» ни разу не назван по имени Фукидидом, но не вызывает никакого сомнения, что последний прекрасно знал сочинение Геродота. Собственно говоря, существуют прямые свидетельства нарративной традиции о том, что Фукидид еще ребенком прослезился, присутствуя на одном из публичных чтений Геродотом своего сочинения, а последний, заметив это, сделал поощрительное замечание Олору, отцу юного слушателя. Правда, свидетельства, о которых идет речь, довольно поздние (Marcellin. Vita Thuc. 54; Suid. s.v. Θουκυδίδης), но это отнюдь не повод отказывать им в аутентичности, поскольку ничего заведомо недостоверного в них нет. Геродот, действительно, неоднократно читал свой труд (на разных стадиях работы над ним) перед различными аудиториями (Dio Chrys. Or. XXXVII. 7; Lucian. Herod. 1; Euseb. Chron. a. Abr. 1572 = Ol. 83, 4), – такова вообще была общепринятая практика у прозаиков того времени⁸. Ясно одно: если в детстве Фукидид и вправду был восхищен произведением маститого историка, то впоследствии, в годы зрелости, восхищение сменилось у него значительно более критичным отношением. И не удивительно: методы и приемы, к которым он обращался в своей работе, в целом ряде отношений едва ли не полярно противоположны геродотовским, да и в целом трудно найти двух более непохожих друг на друга авторов, чем эти два великих «служителя Клио»⁹.

Итак, рассматривая контекст пассажа о «логографах» (а вся эта часть введения к «Истории» Фукидида, представляющая собой методологический экскурс, имеет огромное значение), мы видим, что полемика ведется именно с Геродотом, а не с кем-либо иным. Из сказанного напрямую вытекает: критика «логографов», идущая сразу же после полемического выпада против Геродота, должна быть, несомненно, относима на счет того же Геродота¹⁰ (а не Гелланика или какого-либо историка догеродотовского периода). Фукидид просто развивает и обобщает свою мысль. Иными словами, парадоксальным образом получается, что в его глазах именно Геродот был «логографом по преимуществу», хотя мы-то как раз его таковым и не считаем.

Но почему же все-таки Фукидид воспринимал Геродота как логографа? Тут нам прежде всего необходимо понять, кто же такие эти λογογράφοι, упоминаемые в интересующем нас пассаже, т.е. в каком значении употреблен здесь данный термин (выше уже отмечалась его многозначность, обусловленная, кстати говоря, исключительной многозначностью первого компонента этого компози-

⁸ В особенной степени – именно у историков: Momigliano A. The Historians of the Classical World and their Audience: Some Suggestions // Annali della Scuola normale superiore di Pisa. Classe di lettere e filosofia. 1987. 8. 1. P. 63.

⁹ Подробнее см. Суриков И.Е. Космос – Хаос – История: типы исторического сознания в классической Греции // Время – История – Память: историческое сознание в пространстве культуры. М., 2007. С. 72–92; он же. Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения. М., 2007. С. 21–39.

¹⁰ Это не осталось незамеченным, в частности, со стороны схолиаста к Фукидиду, который к слову λογογράφοι дает следующую ремарку: αἰνίττεται τὸν Ἡρόδοτον – «намекает на Геродота» (Schol. Thuc. I. 21. 1).

та, λόγος). Хотя по частоте употребления у античных авторов на первом месте стоит значение «составитель судебных речей для клиентов»¹¹, здесь это значение исключено: насколько известно, Геродот никогда не подвизался на ниве судебной логографии, да и контекст фукидидовской характеристики не имеет к этой последней никакого отношения.

Но, может быть, λογογράφοι взяты у Фукидида в максимально широком смысле – как писатели-прозаики вообще? На первый взгляд соблазнительно принять именно такое решение проблемы, тем более что в пределах одной фразы λογογράφοι сопоставлены (хотя, заметим, не противопоставлены!) с ποιητοί. Однако по здравом размышлении и от такого хода рассуждений тоже приходится отказаться. Ведь мы уже видели, что λογογράφοι Фукидидом осуждаются и критикуются, он противопоставляет себя им. А между тем автор истории Пелопоннесской войны ведь и сам, естественно, был прозаиком. Если противопоставление «Фукидид – логографы» понимать как противопоставление «Фукидид – прозаики», то оно окажется не имеющим никакого смысла.

Весьма интересную гипотезу в данной связи выдвинул У.Р. Коннор – автор одного из лучших монографических исследований о Фукидиде¹². Он предположил, что «логографы» в приведенном месте фукидидовского труда – не Геродот, но и не другие ранние историки, предшественники Фукидида, а λογογράφοι в самом прямом смысле слова – ораторы, «сочинители речей» (разумеется, не судебных). С первой частью этого суждения согласиться трудно: выше мы продемонстрировали, что к труду Геродота Фукидид явным образом апеллирует. А вот предложение понимать фукидидовских «логографов» именно таким образом представляется весьма плодотворным. Из него, правда, вытекает весьма важная импликация – уравнивание в каких-то отношениях ранних историков с ораторами. Готовы ли мы к столь ответственному выводу? Ведь в антиковедческой литературе памятники ораторского искусства обычно не фигурируют в качестве источника происхождения греческого историописания. Согласно наиболее распространенной точке зрения, существовали «два основных истока исторической традиции у греков – поэтические сказания и официальные хроникальные записи»; они, «слившись воедино, породили на рубеже архаического и классического времени настоящее, правильное историописание»¹³. Как видим, ни о каких речах здесь не говорится.

Но данная точка зрения представляет собой некоторое упрощение. На самом деле, конечно, на складывание исторической науки в позднеархаической и раннеклассической Греции повлияли и иные речевые жанры. Так, было показано¹⁴, что среди таковых были, в частности, циркулировавшие в Дельфах рассказы о прорицаниях оракула и их исполнении (особенно часто следы данной традиции встречаются как раз у Геродота). Рассказы эти были, несомненно, устными и

¹¹ Это отразилось и в лексиконах. См. *hesych.* s.v. λογογράφος ὁ δίκας γράφων; *Suid.* s.v. λογογράφος ὁ δίκας ἢ τοὺς δικάνικοις γράφων.

¹² Connor W.R. *Thucydides*. Princeton, 1984. P. 28, 66.

¹³ Фролов. Ук. соч. С. 92–93. Относительно того, действительно ли была так уж велика роль второго из указанных здесь компонентов формирования греческой историографии – хроникальных записей, у нас существуют серьезные сомнения. Подробнее см. Суриков И.Е. Парадоксы исторической памяти в античной Греции // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 56 слл.

¹⁴ Kindt J. Delphic Oracle Stories and the Beginnings of Historiography: Herodotus' Croesus Logos // *Classical Philology*. 2006. 101. 1. P. 34–51.

прозаическими¹⁵. Иными словами, историография рождалась в более широком общекультурном контексте и в окружении большего числа воздействующих факторов, чем часто полагают. Памятники ораторского искусства (в ту пору тоже еще всецело устного) никак нельзя исключать из анализа в интересующем нас аспекте.

Рассмотрим вопрос несколько подробнее. Не может не броситься в глаза, что крайне многозначная греческая лексема λόγος в V в. до н.э. начинает значительно чаще, чем когда-либо ранее, употребляться в смысле «речь». И это не случайно: шло время становления риторики, теории рефлексированного, а не спонтанного ораторского искусства. Кстати, уже сам тот факт, что в рамках греческого «культурного переворота» история и риторика возникают практически одновременно (и, скажем, позже, чем философия), говорит о многом. Идея «нога в ногу», две дисциплины просто не могли не взаимодействовать.

Среди многочисленных родов и видов речей особое положение занимали так называемые эпитафии (ἐπιτάφιοι) – надгробные речи, произносившиеся при погребении павших воинов. Эпитафию как культурному явлению посвящена фундаментальная монография выдающейся французской исследовательницы Николь Лоро «Изобретение Афин»¹⁶. Эта книга, по нашему глубокому убеждению, является одним из лучших достижений мирового антиковедения второй половины XX в. Широта и разносторонность рассматриваемых сюжетов исключительно удачно сочетаются в ней с глубиной анализа; самые различные аспекты ментальной жизни классических Афин изучаются в оригинальных, неожиданных ракурсах, и, что главное, они структурируются, как вокруг некоего «стержня», именно вокруг феномена надгробной речи.

В трактовке древнегреческого эпитафия мы во многом опираемся именно на выводы Н. Лоро, хотя это отнюдь не означает, что мы во всем и безоговорочно с ней согласны. В частности, нам представляется слишком поздней принимаемая ею датировка появления в Афинах обычая произнесения надгробных речей. Подробно изучив вопрос и рассмотрев различные предлагавшиеся ранее датировки¹⁷, она отбрасывает одну за другой (законодательство Солона, реформы Клисфена, время после Платейского сражения 479 г. до н.э. или после перенесения в Афины останков героя Тесея несколько лет спустя после этого), исследовательница в конце концов вслед за Ф. Якоби¹⁸ приходит к мнению, что это случилось в 460-е годы до н.э.

¹⁵ В целом о решительном преобладании устной традиции среди источников Геродота см. *Каллистов Д.П.* Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи Л., 1949. С. 87; *Ruschenbusch E.* Die Quellen zur älteren griechischen Geschichte. Ein Überblick über den Stand der Quellenforschung unter besonderer Berücksichtigung der Belange des Rechtshistorikers // Symposium 1971: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1975. S. 70 ff.; *Balcer J.M.* Herodotus and Bisitun. Stuttgart, 1987. P. 26; *Evans J.A.S.* Herodotus, Explorer of the Past. Princeton, 1991. P. 89 ff.; *Murray O.* Herodotus and Oral History // The Historian's Craft in the Age of Herodotus. Oxf., 2001. P. 16 ff.; *Patzek B.* Mündlichkeit und Schriftlichkeit im Geschichtswerk Herodots // Klio. 2002. 84. 1. S. 7–26.

¹⁶ *Loroux N.* L'invention d'Athènes: Histoire de l'oraison funèbre dans la cité classique. P., 1981. Далее мы ссылаемся, как на более позднее по времени, на английское издание той же книги: *eadem.* The Invention of Athens: The Funeral Oration in the Classical City. Cambridge, Mass., 1986.

¹⁷ *Eadem.* The Invention of Athens... P. 28 ff.

¹⁸ *Jacoby F.* Patrios Nomos: State Burial in Athens and the Public Cemetery in the Kerameikos // JHS. 1944. 64. P. 37 ff.

Дата, предложенная в столь авторитетном труде, каким является книга Лоро (особенно если на ту же чашу весов добавлен еще и авторитет самого Якоби!), естественно, стала с тех пор общепринятой¹⁹ и сомнению не подвергается. А на наш взгляд, она как раз весьма и весьма сомнительна. Прежде всего, эта дата выведена чисто умозрительным путем и не опирается ровно ни на какие свидетельства источников. А между тем свидетельства о времени введения надгробной речи имеются, и все они единодушно²⁰ указывают на совсем другую эпоху, а именно: приурочивают введение эпитафия к деятельности Солона. Что лучше – «изобретать» собственную хронологию событий или все-таки исходить из той, которая представлена в традиции? В ряде работ²¹ традиция в данном отношении признается вполне достоверной. Наиболее подробно и аргументированно указанная точка зрения отстаивается в специально посвященной вопросу монографии Л. Вебера²². На тех же позициях стоит и автор этих строк, о чем ему уже неоднократно приходилось писать²³, приводя соответствующие доводы, которые здесь вряд ли имеет смысл повторять. По нашему мнению, начало обычая произносить надгробную речь положил Солон, а позже, скорее всего, при Клисфене, этот обычай получил институциональную форму, как акция, организуемая государством.

Но для Якоби и Лоро эти датировки неприемлемы, насколько можно судить, потому и только потому, что они «слишком» ранние. Аргументы Л. Вебера ими даже не рассматриваются, а попросту не принимаются во внимание и отвергаются а *limine*²⁴, равно как и отмеченные выше источниковые данные. Не думаем, что это самая корректная и плодотворная позиция.

Как бы то ни было, ко времени Геродота жанр эпитафия, получивший наибольшее распространение в Афинах, достиг уже полного развития. Об обстоятельствах, при которых говорились надгробные речи в эту эпоху, наиболее подробно сообщает Фукидид (II. 34): «...афиняне совершили по обычаю предков от имени государства торжественную церемонию погребения воинов, павших в первый год войны... Павших погребают в государственной гробнице, находящейся в красивейшем предместье города... Когда останки преданы земле, человек, занимающий в городе, по всеобщему признанию, первенствующее положение за свой высокий ум и выдающиеся заслуги, произносит в честь павших подобающее похвальное слово. Затем все расходятся»²⁵.

О природе, сущности, основных характеристиках жанра эпитафия можно судить по нескольким его образчикам, дошедшим до нашего времени. Самым известным из них является, несомненно, «Надгробная речь Перикла», произнесенная в конце первого года Пелопоннесской войны и пересказанная Фукидидом

¹⁹ Например: *Cartledge P. The Greeks: A Portrait of Self and Others. Oxf., 1993. P. 114 f.*

²⁰ *Anaximen. FGrHist. 72. F 24; Plut. Public. 9; Schol. Thuc. II. 35. 1; cp. Diog. Laert. I. 55; Cic. De leg. II. 26. 65.*

²¹ Например: *Hammond N.G.L. Studies in Greek History. Oxf., 1973. P. 356; Alexiou M. The Ritual Lament in Greek Tradition. L., 1974. P. 23; Garland R. The Greek Way of Death. Ithaca, 1985. P. 90.*

²² *Weber L. Solon und die Schöpfung der attischen Grabrede. Frankfurt am Main, 1935.*

²³ *Суриков И.Е. Гостеприимство Креза и афиняне // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М., 1999. С. 75; он же. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 122–124.*

²⁴ Не исключаем, что по идеологическим причинам (Л. Вебер принадлежал к числу фашистских историков).

²⁵ См. к этому пассажи: *Toher D. On «Thucydides' Blunder»: 2. 34. 5 // Hermes. 1999. 127. 4. S. 497–501.*

(II. 35–46)²⁶. Надгробная речь, занимающая большую часть диалога Платона «Менексен» и вложенная в уста Сократа, как обычно считается, имеет пародийный характер, хотя в чем конкретно заключается пародийность – пока еще никто не смог убедительно показать. Во всяком случае, ясно, что эта речь в действительности никогда не произносилась перед широкой публикой. Лишь фрагментарно дошел эпитафий, составленный софистом и ритором Горгием (Gorg. fr. 5a, 5b, 6 DK); впрочем, последний, не будучи афинским гражданином, не мог произносить его лично, равно как и еще один знаменитый метек – Лисий, в корпусе речей которого также имеется эпитафий (Lys. II), относящийся ко времени Коринфской войны 395–387 гг. до н.э. Очевидно, оба этих текста были написаны авторами по заказу. Следующая по времени надгробная речь сохранилась под именем Демосфена (Dem. LX); хотя многие критики, как античные, так и современные, отрицают ее действительную принадлежность великому оратору²⁷, этот памятник вполне может использоваться при анализе, поскольку основные признаки жанра эпитафия в нем налицо, и, в конце концов, не имеет принципиального значения, кто именно его сочинил. Наконец, на папирусе дошла (не полностью) «Надгробная речь» Гиперида, произнесенная в честь афинян, павших в Ламийской войне.

Из всех перечисленных эпитафиев фукидидовская «Надгробная речь Перикла», что и говорить, затмевает все остальные – в силу своих огромных литературных достоинств и присущей ей глубины мысли. Остальными эпитафиями занимаются достаточно редко, а этим – практически постоянно; регулярно появляются специально посвященные ему работы²⁸. В результате возникает характерная абберация: в речи Перикла видят характерный образец афинской надгробной речи и именно по ней судят об этом жанре²⁹.

Однако считающие так ошибаются. В действительности данный текст не только не типичен для своего жанра, но и попросту уникален. Как справедливо заметил Коннор, в нем речь идет не о прошлой славе, а о современном говорящему образе жизни³⁰. Выражаясь несколько иначе, у Перикла (как его передает Фукидид) главное место занимает панегирическое изложение основных принципов политической системы и политической жизни афинской демократии. Как раз этого-то мы и не встречаем в остальных, менее известных, но более типичных эпитафиях. В них речь идет совсем об ином: основной акцент делается на *истории* Афин, прежде всего на истории военно-политической.

Об этом фукидидовский Перикл в своей «Надгробной речи» почти ничего не говорит, ограничиваясь краткими суждениями общего характера. А в других надгробных речах, напротив, разворачивается широкая картина, демонстрирующая воинскую доблесть афинян, их всегдашнюю готовность помочь всем, кто

²⁶ Перикл произносил эпитафии и в ряде других случаев, в частности на похоронах воинов после победы над восставшим Самосом в 439 г. до н.э. (Plut. Pericl. 28). Высказывалось мнение, что у Геродота (VII. 162) встречается аллюзия на одну из надгробных речей Перикла (Hart J. Herodotus and Greek History. L., 1986. P. 174).

²⁷ Однако см. аргументированную защиту аутентичности этой речи: Sykutris J. Der demosthenische Epitaphios // Hermes. 1928. 63. 1. S. 241–258; Maas P. Zitate aus Demosthenes' Epitaphios bei Lykurgus // Hermes. 1928. 63. 1. S. 258–260.

²⁸ Назовем лишь несколько из числа самых новых: Bosworth A.B. The Historical Context of Thucydides' Funeral Oration // JHS. 2000. 120. P. 1–16; Balot R. Pericles' Anatomy of Democratic Courage // AJPh. 2001. 122. P. 505–525; Winton R. Thucydides 2, 37, 1: Pericles on Athenian Democracy // Rheinisches Museum für Philologie. 2004. 147. 1. S. 26–34.

²⁹ Например: Cartledge. Op. cit. P. 115 f., где основные черты эпитафия рассматриваются именно на материале речи Перикла.

³⁰ Connor. Op. cit. P. 66.

подвергается обидам; они предстают в образе постоянных «освободителей эллинов». Этот тезис богато иллюстрируется историческими примерами, которые берутся, с одной стороны, из далекого, легендарного прошлого, с упоминанием таких парадигматичных фигур, как Тесей, Кодр и т.п., а с другой стороны – из эпохи Греко-персидских войн. Деяния Мильтиада, Фемистокла, Кимона, славные победы при Марафоне, Саламине, Евримедонте – вот сюжеты, излюбленные авторами эпитафиев, сюжеты, набор которых кочует из речи в речь.

Н. Лоро удачно называет традицию эпитафиев «афинской историей Афин»³¹. В этих памятниках Афины всегда на переднем плане, они выступают едва ли не как главная действующая сила истории. Разумеется, строя изложение подобным образом, составители надгробных речей ориентировались на запросы своей аудитории, говорили то, что ей приятно было услышать. В результате, используя определенную, уже сложившуюся подборку специфически ориентированных стереотипов, сочинить эпитафий было не так-то уж и сложно. Остроумно замечает по этому поводу платоновский Сократ в «Менексене» (235d): «Если бы нужно было превознести афинян перед пелопоннесцами или же пелопоннесцев перед афинянами, требовался бы хороший оратор, умеющий убеждать и прославлять; когда же кто выступает перед теми самыми людьми, коим он воздаст хвалу, недорого стоит складная речь» (пер. С.Я. Шейнман-Топштейн).

Жанр эпитафия, таким образом, характеризовался высокой исторической «насыщенностью». Разумеется, история, представавшая в эпитафиях, была крайне субъективной и тенденциозной. Но иной, в общем-то, в ту эпоху и не имелось: объективное изучение прошлого как самоцель, из «антикварного» интереса к самому этому прошлому, а не ради нужд настоящего, было классической греческой историографии чуждо³².

Ввиду своей широкой распространенности в V в. до н.э. жанр, о котором здесь идет речь, просто не мог не оказать влияния на первые этапы формирования древнегреческой исторической науки, – хотя это влияние обычно не учитывается в исследовательской литературе (во всяком случае учитывается недостаточно, далеко не в той мере, в какой оно того заслуживает) и соответственно не было предметом специального рассмотрения. Мы в данной краткой статье тоже, разумеется, не претендуем на то, чтобы сразу расставить все точки над *i* в едва ли не впервые всерьез, а не мимоходом поднимаемой проблеме. Мы высказываем разве что самые первоначальные предположения, и если какие-то из них окажутся верными, то и тогда мы будем считать свою задачу вполне выполненной.

«Отец истории» Геродот, вне всякого сомнения, был знаком с традицией эпитафиев и вдохновлялся ею – особенно в «афинских» пассажах своего труда. Этот факт не остался незамеченным³³, но по-настоящему детально не изучался. А между тем влияние эпитафиев прослеживается у Геродота как в частностях, так и в целом, как на уровне отдельных эпизодов, так и на уровне всего повествования.

Исключительно характерна речь афинян перед Платейской битвой (Herod. IX. 27). При подготовке к сражению между контингентами из различных греческих полисов разгорелся спор о том, кому занимать в строю второе по почетности место после спартанцев. На это место претендовали представители Тегеи и Афин. И вот как последние обосновывают свои притязания: «Мы знаем, конечно, что собрались здесь на борьбу с варварами, а не для словесных прений. Но

³¹ Loraux. The Invention of Athens... P. 132.

³² Антикварные штудии составляли в античности особый жанр, строго отличавшийся от собственно исторического исследования. Подробнее см. Momigliano. Studies... P. 1–39.

³³ Например: Loraux. The Invention of Athens... P. 74; Cartledge. Op. cit. P. 28.

так как тегейцы завели речь о том, чтобы обе стороны перечислили здесь все свои подвиги в древности и в новое время (*παλαιὰ τε καὶ καινὰ... τὰ ἑκατέροισι ἐν τῷ παντὶ χρόνῳ κατέρχασται χρηστά*), то и нам приходится рассказывать, какими подвигами мы как доблестные воины приобрели право занимать первое место перед аркадцами. Во-первых... Гераклидов, которых после их бегства от микенского рабства сначала изгоняли все эллины, к кому бы они ни обращались, только мы одни приютили, смирив доблесть Еврисфея и одолев вместе с ними тогдашних правителей Пелопоннеса. Далее, когда аргосцы во главе с Полиником пошли походом на Фивы и там, окончив свои дни, лежали без погребения, то мы начали войну с кадмейцами, спасли тела аргосцев, чем мы можем похвалиться, и предали погребению в Элевсине, на нашей земле. Славное деяние совершили мы также в борьбе с амазонками, которые некогда с реки Фермодонта вторглись в Аттическую землю, да и в битвах под Троей мы не уступали ни одному городу. Впрочем, об этом не будем вспоминать, потому что тогдашние храбрецы ныне могут быть трусами, а тогдашние трусы – теперь стали победителями. Поэтому довольно о делах стародавних. Но если мы даже ничего другого не совершили, хотя за нами много славных подвигов, так же, как и у любого другого эллинского племени, то все же из-за Марафонской победы нам подобает эта честь, да и не только эта! Мы бились тогда с персами совершенно одни, одолели и разбили сорок шесть племен. Неужели же мы недостойны получить почетное место в боевом строю ради этого единственного подвига?»

Перед нами – речь, которая по обстоятельствам своего произнесения не имеет ровно ничего общего с эпитафиями. И тем не менее по всей своей топике это типичнейший эпитафий, который смело может быть поставлен в один ряд с вышеперечисленными памятниками этого жанра – если не по букве, то по духу. Сделаем несколько попутных замечаний к этому месту.

Во-первых, если признать, что Геродот хоть сколько-нибудь аутентично передает содержание речи афинян, а не выдумал ее от начала до конца, то придется констатировать, что уже к 479 г. до н.э. жанр надгробной речи в своих основных чертах вполне сложился, – вопреки мнению исследователей, относящих ее введение к 460-м годам до н.э.

Во-вторых, несомненно неоднократное сюжетное пересечение процитированного здесь «квази-эпитафия» (равно как и эпитафиев в собственном смысле слова), с фабулами некоторых афинских трагедий V в. до н.э., а именно той их группы, где главным событием является мольба (гикетия) к афинянам о защите со стороны неких лиц, подвергающихся обиде, и следующая за этим помощь Афин. Эту группу трагедий («Просительницы» и «Эвмениды» Эсхила, «Эдип в Колоне» Софокла, «Гераклиды» и «Просительницы» Еврипида) мы выделили в одной из предыдущих работ³⁴. Тогда мы никак не связывали их с эпитафием, поскольку еще не занимались специально этим культурным феноменом. Теперь же для нас эта связь очевидна, тем более что удалось выявить специфический тип тенденциозного историзма в классической аттической драме³⁵, и он оказывается весьма близким тому, который мы обнаруживаем в надгробных речах³⁶.

³⁴ Суриков И.Е. Трагедия Эсхила «Просительницы» и политическая борьба в Афинах // ВДИ. 2002. № 1. С. 17.

³⁵ Суриков И.Е. Клио на подмостках: классическая греческая драма и историческое сознание // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М., 2005. С. 89–104.

³⁶ Ср. также сопоставление жанра надгробной речи с «Антигоной» Софокла (которую, мы, впрочем, не включаем в выделенную выше группу трагедий) в работе: Bennett L.J., Tyrrell W.B. Sophocles' Antigone and Funeral Oratory // AJPh. 1990. 111. 4. P. 441–456.

В свою очередь, памятники трагедии имели несомненное воздействие на труды ранних историков³⁷. В частности, известно, что Геродот и Софокл были дружны³⁸. Обычно замечают в данной связи заимствования Софокла у Геродота; но, по меньшей мере, вполне естественно допустить и обратный процесс. Одним словом, «отец истории» испытывал влияние эпитафия как непосредственно, так и опосредованно.

Разумеется, те надгробные речи, которые мог использовать Геродот, не были еще записанными речами; они функционировали в рамках устной традиции. Соответственно, чтобы слышать их, историк должен был побывать в Афинах. В том, что он там бывал, сомневаться не приходится; более того, мы считаем, что, вопреки распространенному мнению³⁹, впервые он появился в «городе Паллады» не в 440-х годах до н.э., когда его труд был уже отчасти написан, а гораздо раньше. Правда, источники об этом не сообщают, но как раз в данном случае аргумент *ex silentio* не может иметь практически вообще никакой силы. Ведь биографическая традиция о Геродоте в целом более чем скудна. В сущности, известны лишь отдельные разрозненные события его жизни (да и о них-то зачастую дошли искаженные и противоречивые сведения), которые нельзя выстроить в однозначную хронологическую последовательность⁴⁰.

Если же судить по общеисторическому контексту некоторых пассажей «Истории» Геродота, можно с немалой долей вероятности предположить, что он побывал в Афинах уже в молодости, в 460-х годах до н.э., в период простасии Кимона. Между прочим, этим может объясняться нередкая у галикарнасского историка тенденция опираться на традицию, восходящую к аристократическому роду Филаидов, к которому принадлежал Кимон⁴¹. «Филаидская» генеалогическая традиция, весьма богатая и разветвленная⁴², очень хорошо представлена у Геродота, и это, надо полагать, не случайно. Родовая история Филаидов была

³⁷ См., например: *Marasco G.* Ctesia, Dinone, Eraclide di Cumae e le origine della storiografia «tragica» // *Studi italiani di filologia classica*. 1988. 6. P. 48–67; *Nielsen F.A.J.* The Tragedy in History: Herodotus and the Deuteronomistic History. Copenhagen, 1997. P. 46 ff.; *Fromentin V.* L'histoire tragique a-t-elle existé? // *Lectures antiques de la tragédie grecque*. Lyon, 2001. P. 92; *Saïd S.* Herodotus and Tragedy // *Brill's Companion to Herodotus*. Leiden, 2002. P. 117–147.

³⁸ Это факт, установленный уже давно (см., например: *Зелинский Ф.Ф.* Софокл и Геродот (новые данные) // *Гермес*. 1912. № 15 (101). С. 379–380; *Egermann F.* Herodot – Sophokles. Hohe Arete // *Herodot: Eine Auswahl aus der neueren Forschung*. München, 1962. S. 249–255). Разумеется, из него совершенно не обязательно делать выводы о тех или иных конкретных заимствованиях Софокла у Геродота. Некоторые скороспелые суждения такого рода подвергнуты аргументированной критике в недавней работе: *Синицын А.А.* Геродот, Софокл и египетские диковинки (Об одном историографическом мифе) // *Античный мир и археология*. 2006. Вып. 12. С. 363–405.

³⁹ Например: *Lendle O.* Einführung in die griechische Geschichtsschreibung. Darmstadt, 1992. S. 39.

⁴⁰ Поэтому, кстати, представляются обреченными на неудачу и даже несколько наивными попытки некоторых авторов подробно описать жизнь и путешествия Геродота в некоем якобы четко установленном порядке (как, например, в книге: *Lister R.P.* The Travels of Herodotus. L., 1979). Любые такие построения неизбежно и заведомо гипотетичны.

⁴¹ *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 96.

⁴² О формировании генеалогической традиции Филаидов и роли в этом процессе Ферекида Афинского – одного из первых греческих историков см. *Суриков И.Е.* Демократический полис и родословные аристократов: о некоторых особенностях генеалогической традиции в классических Афинах // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 184 сл. Об очень большом влиянии, оказанном Ферекидом на труд Геродота, см. *Ruschenbusch E.* Weitere Untersuchungen zu Pherekydes von Athen (FGrHist 3) // *Klio*. 2000. 82. 2. S. 335–343.

актуальна при Кимоне, а позже, в Афинах «Периклова века», ее востребованность должна была значительно уменьшиться: отнюдь не в интересах Перикла – представителя конкурирующей группы аристократии – было способствовать распространению рассказов, прославлявших предков Кимона.

Тезис о раннем визите (или, скорее, даже о ранних визитах) Геродота в Афины не опровергается и соображениями общеисторического характера, оценкой политической обстановки. Точное время вхождения Галикарнасса в Делосский союз остается под вопросом; в списках фороса он появляется с 454/453 г. до н.э.⁴³, но это может ни о чем еще не говорить. В любом случае, известно, что Геродот, приняв в юности участие в неудачной попытке свержения галикарнассского тирана Лигдамида, вынужден был после этого удалиться в изгнание и переселился на Самос⁴⁴. А этот остров был одним из самых давних и самых сильных членов Делосского союза, традиционно поддерживавшим активные связи с фактической столицей симмахии. С Самоса была прямая дорога в Афины, и трудно представить, что молодой, энергичный, талантливый и очень любознательный эллин не воспользовался возможностью их посетить. Ведь в период Пентеконтаэтии «город Паллады», как магнит, притягивал к себе лучшие интеллектуальные силы со всего греческого мира.

Если Геродот действительно побывал в Афинах в 460-х годах до н.э., то тогда он уже мог слушать там надгробные речи, даже если принимать самую позднюю из возможных датировок их введения. Между прочим, в эти годы произносить их должен был не кто иной, как сам Кимон, поскольку именно он был тогда самым влиятельным и авторитетным гражданином (как впоследствии Перикл). В любом случае, эпитафии явно произвели на начинающего историка сильное впечатление, и он стремился им подражать, причем, повторим, не только в частностях, но и в целом.

В сущности, вся история Греко-персидских войн, как она изложена у Геродота, – а изложена она *sub specie gloriae Atheniensium*, – воспроизводит стереотипы, сложившиеся в рамках традиции афинских эпитафиев. Наверное, будет сильным преувеличением сказать, что геродотовский труд представляет собой один громадный «супер-эпитафий»: на самом деле он, конечно, является очень сложной и неоднородной текстовой структурой. Но в значительной степени этот труд, бесспорно, представляет собой панегирик Афинам⁴⁵.

История, изложенная подобным образом, была, разумеется, весьма востребована в среде афинян. Не забудем о том, что Геродот за публичное чтение каких-то фрагментов своего произведения получил в Афинах беспрецедентно высокую награду (Plut. Mor. 862b), и не приходится сомневаться в том, что это были не какие-то этнографические или географические отрывки, а пассажи, содержавшие энкомий афинским подвигам в годину Греко-персидских войн⁴⁶.

⁴³ Meiggs R., Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Revised ed. Oxf., 1989. P. 72.

⁴⁴ Бerve Г. Тираны Греции. Ростов-на-Дону, 1997. С. 154.

⁴⁵ О связи Геродота с Афинами существует большое количество работ. Назовем лишь несколько новейших: Forsdyke S. Athenian Democratic Ideology and Herodotus' Histories // AJPh. 2001. 122. P. 329–358; Moles J. Herodotus and Athens // Brill's Companion to Herodotus. Leiden, 2002. P. 33–52; Fowler R. Herodotus and Athens // Herodotus and his World. Oxf., 2003. P. 303–318.

⁴⁶ Суриков И.Е. «Несвоевременный» Геродот (Эпический прозаик между логографами и Фукидидом) // ВДИ. 2007. № 1. С. 145. Наверное, нужно оговорить, что в подзаголовке цитируемой работы мы еще употребляем термин «логографы» в традиционном, общепринятом в науке значении, – как раз в том, от которого ныне предлагаем отказаться.

Сам факт геродотовских публичных чтений⁴⁷ действительно нуждается в следующем комментарии. В классической Греции любое прозаическое сочинение, звучавшее устно перед аудиторией слушателей, тем самым становилось речью (λόγος). В связи с этим уместно напомнить о структуре «Истории» Геродота. Деление на девять книг, принятое в современных изданиях, как ныне общепризнано, не принадлежит автору и было осуществлено позже (скорее всего, александрийскими филологами эпохи эллинизма). Сам же Геродот делил свой труд на λόγοι. Последний термин пытались переводить по-разному⁴⁸, но ни один из вариантов не оказывался особенно удачным. В результате часто просто предпочитают оставлять λόγοι без перевода и говорить о «лидийском логосе», «египетском логосе» и т.п. А ведь на самом деле, если исходить из наиболее естественного для геродотовского времени словоупотребления, эти λόγοι – не что иное, как речи! А сам Геродот, таким образом, выступает как «сочинитель речей», λογογράφος.

Итак, Фукидид не случайно воспринимает своего главного предшественника как «логографа». «Отец истории» действительно был таковым, если понимать самую лексему «логограф» не в смысле «раннего историка» (такое значение, насколько можно судить, вообще является не античным, а современным, к тому же не вполне корректным, так что от него, по логике, нужно бы понемногу отказываться, хотя вряд ли это когда-нибудь произойдет – велика сила традиции), однако и не в аутентично-античном, но слишком специальном смысле «составителя судебных речей для клиентов» (таковым Геродот не являлся), а в общем смысле «сочинителя речей». Ведь, в сущности, всё его сочинение с определенной точки зрения может быть интерпретировано как большой цикл речей-энкомиев о военном столкновении эллинов с миром Востока и об эллинской победе в этом столкновении.

Но может ли составитель торжественно-восхвалительных, а не судебных речей быть назван логографом? Ведь нас могут упрекнуть в том, что, порицая других за привнесение в термин не свойственного ему смысла, мы сами делаем то же самое. В обоснование своей позиции сошлемся на такой авторитетнейший текст, как «Риторика» Аристотеля. В одном его месте (1388b21) говорится о людях, которых «воспевают и прославляют поэты или логографы»⁴⁹ (ἐπαινοὶ καὶ ἐγκώμια λέγουσιν ἢ ὑπὸ ποιητῶν ἢ ὑπὸ λογογράφων). Как видим, логографы упоминаются здесь в специальной связи с жанром энкомия – похвальной, прославляющей речи, жанра, принадлежащего к торжественному, а отнюдь не к судебному роду ораторского искусства.

И последнее. На основе всего вышесказанного становится ясным, почему Фукидид противопоставлял себя λογογράφοι в лице Геродота и, следовательно, не считал логографом себя самого. В том же своем методологическом пассаже, чуть ниже критики логографов, он говорит еще вот какие знаменательные слова (Thuc. I. 22. 4).

«Мое исследование при отсутствии в нем всего баснословного, быть может, покажется малопривлекательным *при публичном прослушивании*... Мой труд

⁴⁷ См. о них Balcer. Op. cit. P. 32.

⁴⁸ Несколько примеров из перевода Г.А. Стратановского: ἐν τοῖσι Ἀσσυρίοισι λόγοισι (I. 184) – «в моей истории Ассирии»; ἐν ἑτέροισι λόγοισι (I. 106) – «в другой части моего труда».

⁴⁹ В переводе Н. Платоновой – «поэты или писатели», но «писатели» – очень уж расплывчатое по значению, нетерминологичное слово. Помимо всего прочего, поэты – тоже писатели. Поэтому сохраняем оригинальный термин.

создан как достояние навеки, а не для минутного успеха у слушателей» (пер. Г.А. Стратановского с нашими изменениями, выделенными курсивом)⁵⁰.

Итак, вот еще в чем видит Фукидид принципиальное различие между собой и λογογράφοι (scil. Геродотом). Он не ориентирует свой труд на слушателей, на публичную аудиторию! И действительно, отмечалось, что второй великий греческий историк, в отличие от первого, не устраивал публичных чтений собственного сочинения⁵¹. Причина этого, конечно же, и в том, что он не имел таких возможностей (эпоха была уже совсем иной), но, как видим, и желания такого у него тоже не появлялось⁵².

Не будучи направлена на публичную аудиторию, фукидидовская «История» не принимала уже форму цикла речей, λόγοι. Речи есть в этом произведении, они даже занимают в нем весьма значимое место. Но они не являются органичной частью контекста, как у Геродота, а очень четко изолированы, выделены в структурные единицы. К этим речам автор в том же методологическом пассаже своего труда чувствует себя обязанным дать специальный комментарий (I. 22. 1) и, в частности, оговаривает: «я, насколько возможно ближе, придерживаюсь общего смысла действительно произнесенных речей», тем самым как бы снимая с себя ответственность за сказанное.

Сочинение Геродота целиком состоит из λόγοι – сочинение Фукидида лишь включает в себя λόγοι, а само строится по иным принципам. Именно поэтому Геродот – логограф, «сочинитель речей», а Фукидид – нет. Во всяком случае, в понимании самого Фукидида.

ΛΟΓΟΓΡΑΦΟΙ IN THUCYDIDES' WORK (I. 21. 1) AND HERODOTUS

(On a Poorly Explored Source of Early Greek Historiography)

I. E. Surikov

Traditionally, Greek historians of the first generation are called «logographers» in scholarly literature. These «logographers» (Hecataeus, Hellanicus and others) are usually opposed to Herodotus in a number of respects. It is often believed that the term «logographer» meaning «early, pre-Herodotean historian» is of ancient origin, and that already Thucydides (I. 21. 1) used *logographoi* exactly in such a sense.

But an attentive reading of Thucydides' passage in its context shows that when he says *logographoi*, he does not mean Hecataeus & C°, but none other than his own immediate predecessor – Herodotus! Why is Herodotus a «logographer» for Thucydides? Because he wrote *logoi* – «narrations» or simply «orations». Here we must note that a specific genre of Greek oratory had a strong though rarely observed influence on Herodotus' work. It was the genre of *logos epitaphios*, funerary oration, reasonably defined by N. Loraux as «the Athenian history of Athens». Funerary orations were saturated with historical material, very much biased. Herodotus, when in Athens, had every possibility to listen to such speeches, and he apprehended many of their features. With a bit of exaggeration we can even say that the whole of Herodotus' «Histories» is a large cycle of laudatory orations on Greco-Persian Wars, with information given from typically Athenian point of view. As is well known, Herodotus often recited, publicly and orally, his *logoi*, parts of his work. So Thucydides criticizes Herodotus as a «logographer», a «writer of speeches». Thucydides himself, as the founder of a different historical method, tries to delimit his writing from that Herodotean «logographic» tradition.

⁵⁰ καὶ ἐς μὲν ἀκρόασιν ἴσως τὸ μὴ μυθῶδες αὐτῶν ἀτερπέστερον φανέται... κτήμᾳ τε ἐς αἰεὶ μᾶλλον ἢ ἀγώνισμα ἐς τὸ παραχρημα ἀκούειν ξύγκειται.

⁵¹ Cartledge. Op. cit. P. 100.

⁵² Возможно, труд Фукидида в первой половине IV в. до н.э. распространялся в узкой, но достаточно влиятельной среде не слишком демократически настроенных гетерий.